

Zhetysu (settlement Butakty-1). On the settlement Tuyetas on the excavated area of 408 square meters the remains of foundations of round houses and two annexes were revealed. The author suggests that it was the house of the yurt-shaped form with a powerful stone base with a minimum width of 1 m and a wooden top. The construction with the overall diameter of about 13 m had several rooms, extensive grounds which were also made of stone. One round room with a diameter of about 3–3,5 m was in the centre. Wooden poles on the frame walls of the room at the same time supported the upper structure of the house. Houses of round plan were opened at the Saka settlement Sa-rybuyrat, located near the settlement of Tuyetas. This type of construction is recorded in a number of other not yet studied settlements in Central Kazakhstan. The study of Saka settlements in Central Kazakhstan is at the initial stage. The source base should be broadened for a comprehensive analysis of many aspects, including features and types of dwellings.

Keywords: settlements; Saka dwellings; round house; Bronze Age; diameter of stone base; wooden poles; upper structure; roofing; materials of ethnography; tasmola culture.

УДК 94(470.66)Т-50

РОССИЙСКО-ЧЕЧЕНСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В XVI–XVII ВЕКАХ

© 2017

Товсултанов Рустам Алхазурович, кандидат исторических наук,
доцент кафедры новой и новейшей истории

Чеченский государственный университет (г. Грозный, Российская Федерация)

Галимова Лилия Надиповна, доктор исторических наук,
профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин

*Ульяновский институт гражданской авиации имени главного маршала авиации Б.П. Бугаева
(г. Ульяновск, Российская Федерация)*

Оздамирова Элиза Мусатовна, старший преподаватель кафедры новой и новейшей истории
Чеченский государственный университет (г. Грозный, Российская Федерация)

Аннотация. В настоящей статье исследуются русско-чеченские взаимоотношения в XVI–XVII веках. Отмечается, что Кавказ попал в сферу российской внешней политики на этапе образования Русского централизованного государства. С присоединением Астраханского ханства Россия вышла к кавказским границам, и с этого времени кавказское направление займет ведущее место в восточной политике царского правительства. Кавказ в XVI в. являлся объектом острейшей борьбы между двумя самыми сильными державами тогдашнего Среднего Востока – Османской империей и Сефевидским Ираном – и одновременно плацдармом, откуда шла постоянная угроза для южных окраин России со стороны этих государств и Крымского ханства (вассала Порты). Укрепление России на кавказских землях могло стать наиболее надежным средством в обеспечении безопасности юга России. Так что в XVII и в XVIII вв. Северный Кавказ представлял для России интерес в основном военно-стратегический, или, говоря современным языком, геополитический. Сама Чечня попала под влияние России в 1567 году, когда был заложен первый русский военизированный Терский город на Северном Кавказе. Для народов Северного Кавказа и Чечни появление русской крепости на их землях имело большое политическое значение.

Таким образом, в силу сложившейся ситуации для России жизненно необходимо было укрепиться на Северном Кавказе, так как на этой территории мог закрепиться враг (Иран и Турция), что было небезопасно для южных ее границ. Именно в этот период (конец XVI в.) устанавливаются тесные военно-политические связи московского правительства с чеченцами. Интерес московского правительства к Чечне объяснялся, прежде всего, ее географическим положением – непосредственным соседством с терскими городками и тем, что по ее территории проходили наиболее удобные пути сообщения с Грузией.

Взаимоотношения Чечни и России в конце XVI – первой половине XVII в. – почти идеальная для тех условий и того времени «модель» мирного сближения чеченцев с московским государством. Российские власти не вмешивались во внутренние дела чеченских обществ, не навязывали им свои порядки и законы, довольствуясь выдачей аманатов, выплатой ясака и, в случае необходимости, временной воинской службой. Все это привело к тому, что в XVII в. происходит установление союзнических отношений обществ Чечни с Россией. Однако в самом конце XVII в. русско-кавказские связи значительно ослабевают.

Ключевые слова: Кавказ; российская внешняя политика; Россия; Московское царство; восточная политика; царское правительство; Северный Кавказ; Чечня; Терек; Сунжа; Дагестан; крепость; Москва; северокавказские народы; российское государство; Средняя Азия; Закавказье; Турция; Иран; южные границы; московское правительство; чеченцы; русско-северокавказские отношения; политическая ситуация; посольство; посол; подданство; российско-чеченский договор; присяга; политический курс; взаимоотношения.

Кавказ попал в сферу российской внешней политики на этапе образования Русского централизованного государства. Борьба России с татарскими ханствами в Поволжье совпала с усилением стремлений Персии и Османской империи (Турции) завоевать Кавказ. Осуществление этих планов не только ослабляло позиции России на Кавказе (экономические и политические связи с которым укрепились

еще с конца XV века), но и создавало плацдарм для дальнейшего продвижения названных государств в глубь России [1, с. 9]. Таким образом, с 1514 г. «Кавказ стал ареной ожесточенной борьбы между Ираном и Турцией ... Она продолжалась вплоть до подписания между ними в 1555 г. мирного договора, по которому западная часть Грузии и Армении отошла к Турции, а остальные районы Грузии и Армении – к

Ирану [2]. Итак, в начале XVI века наступление на Кавказ развертывают сразу три крупные державы – Сефевидский Иран, Османская империя и Московское царство [3, с. 35].

В середине XVI в. с присоединением Астраханского ханства (1556 г. – *авт.*) Россия вышла к кавказским границам, и с этого времени кавказское направление займет ведущее место в восточной политике царского правительства. Кавказ в XVI в. являлся, как было отмечено выше, объектом острой борьбы между двумя самыми сильными державами тогдашнего Среднего Востока – Османской империей и Сефевидским Ираном – и одновременно плацдармом, откуда шла постоянная угроза для южных окраин России со стороны этих государств и Крымского ханства (вассала Порты). Укрепление России на кавказских землях могло стать наиболее надежным средством в обеспечении безопасности юга России. Так что в XVII и в XVIII вв. Северный Кавказ представлял для России интерес в основном военно-стратегический, или, говоря современным языком, геополитический [4, с. 30].

Чечня («расположена между реками Терек и Сунжа на западе и севере; на востоке горная цепь Андии отделяет ее от соседнего Дагестана; на юге Чечню замыкает Главный Кавказский хребет» [5, с. 11]) попала под влияние России в 1567 году, когда был заложен первый русский город на Северном Кавказе, «...известный под именем Терский городок («в котором содержался сильный гарнизон, вооруженный огнестрельным оружием» [6]), построенный при устье Сунжи в 1567 году по повелению царя Иоанна IV для защиты земель царского шурина, черкасского (кабардинского) князя Мизлова Темрюковича» [7, с. 40].

Я.З. Ахмадов пишет, что «для народов Северного Кавказа и Чечни появление русской крепости на их землях имело большое политическое значение. Так, прямым следствием ее строительства надо полагать то обстоятельство, что с 1567 г. завязались первые политические контакты Руси с одной из чеченских владельческих фамилий. "Прежде сего, которые ваши государевы на Тереке города были, – писал чеченский феодал Ших-мурза Окуцкий в 1588 г., – и в те поры я с отцом своим с Ушаром мурзою тебе государю верою и правдою служили...". Иметь чеченцев-окочан (ококов) в числе своих союзников для Москвы было тем более важно, что восточные соседи их – кумыкские феодалы – были на тот момент в "дружбе в любви" с крымским ханом. Окоцкое владение могло также обеспечивать безопасность коммуникаций Астрахани и Терского города с целым рядом северокавказских земель.

Так в 1567 г. состоялся выход России к Тереку: ценой огромных человеческих жертв, материальных затрат, в результате ожесточенных, по существу колониальных, войн с ордынскими государствами, стоявшими на пути к югу. Россия отвоевала военной силой возможность выхода на Северный Кавказ. Но эта возможность во многом была обеспечена и позицией ряда северокавказских народов, самостоятельно избравших курс на сближение и союз с российским государством» [8]. Т.С. Магомадова пишет: «Если бы русские вовремя не укрепились на Тереке, то в 80-х годах XVI в. там появились бы турецкие крепости. Это повело бы к закреплению всего Кавказа за Турцией...» [9]. В XVII в. – начале XVIII в. Терки

становится важным экономическим и политическим центром Северо-Восточного Кавказа, в котором проживало смешанное население [10].

Однако после того как крымский хан Давлет-Гирей сжег Москву (24 мая 1571 г.), царь вынужден был признать свою зависимость от Крыма и оставить крепость на Терки.

Итак, в середине XVI в. в борьбу за Северный Кавказ (наряду с Турцией и Ираном) включается и Россия, исходя из своих национальных интересов. К этому времени четко определились и стратегические цели Порты, Ирана и России на Кавказе: Турция стремилась покорить весь Кавказ и через Волгу и Каспийское море установить тесные контакты со Средней Азией; Иран преследовал цель завоевать Закавказье и Дагестан, выйти на волжско-астраханскую торговую магистраль и установить свое господство на Каспийском море, перекрыть Турции и Крыму дороги на Северный Кавказ и Закавказье; Россия стремилась разгромить Турцию, упрочить свое господство на торговой магистрали Волга-Астрахань и установить свою гегемонию на линии Терек – Дербент – Баку – Шемаха, вытеснив оттуда Иран [4, с. 31].

Таким образом, в силу сложившейся ситуации для России жизненно необходимо было укрепиться на Северном Кавказе, так как на этой территории мог закрепиться враг (Иран и Турция), что было небезопасно для южных ее границ. Именно в этот период (конец XVI в.) устанавливаются тесные военно-политические связи московского правительства с чеченцами.

Интерес московского правительства к Чечне объяснялся, прежде всего, ее географическим положением – непосредственным соседством с терскими городками и тем, что по ее территории проходили наиболее удобные пути сообщения с Грузией (с которой Россия интенсивно начала обмениваться посольствами с 80-х г. XVI в., заинтересованная в распространении своего влияния в Закавказье, откуда уже был непосредственный выход в страны Среднего Востока и в Индию). Основной путь, связывающий Московское государство с первыми его союзниками на Кавказе – Кабардой и Грузией, – назывался в источниках «дорога в черкассы», Черкасской дорогой. Один из важнейших отрезков ее проходил вдоль левобережья Сунжи в непосредственной близости от мест обитания чеченцев и вел затем по верховьям Терека через кабардинские и ингушские владения в Грузию [4, с. 33–34]. Дж. И. Месхидзе отмечает: «Оживленные связи России с Грузией и Ираном в последние десятилетия XVI века и в 50–70-е годы XVII века ставили перед русским правительством вопрос о наиболее удобных связующих путях. Оно было заинтересовано в основании новых магистралей через Кавказский хребет, в частности – перевальных троп Чечни, Ингушетии, Балкарии, Карачая, Осетии» [11].

«В 1588 г. в низовьях Терека (на одном из ее притоков – Тюменке) была построена новая русская крепость – Тюменский острог, более известная как Терки, или Терский город. Этот городок стал связующим торговым звеном между Россией и Северным Кавказом, а также торговым центром для местного населения, являясь притягательной силой для чеченцев, кумыков и других народов региона» [4, с. 35]. На этот раз Россия прочно встала на Тереке. В 1588–1589 гг. начался, по существу, новый этап русско-

северокавказских отношений, выход России на Терек окончательно состоялся. Значительную помощь в этом оказал и чеченский владелец Ших-мурза Окуцкий, которой в эти годы с использованием «государевых» казаков добился определенного политического влияния на Северном Кавказе. Он взял некий «Индилисловет город и с тем 7 городов» (скорее всего, укрепленные аулы), обеспечил и себе и Руси дружеский союз с аварским ханом, Черным князем, с нахским владельцем Ларса в Дарьяльском ущелье – Салтан-мурзой; сын шамхала Алхас (Алкас) перешел даже со своими подвластными в его владение. В трудные годы засилья турок и крымцев на Северном Кавказе он совместно с терскими казаками прервал сообщение турок между Азовом и Дербентом, участвовал во всех антитурецких акциях кавказских владельцев [8].

Со времен строительства Терского города складывается новая политическая ситуация, оказавшая значительное воздействие на политическое положение Северного Кавказа, в частности Чечни. Ших-мурза, активно помогавший терским воеводам в строительстве этой крепости, переносит сюда свою слободу и полностью переходит на русскую службу вместе со своими подвластными. К этому времени Ших-мурза имеет сильное политическое влияние практически на все крупные чеченские «землицы» конца XVI в. [4, с. 35].

В это же время (октябрь 1588 г.) в Москву отправляется первое чеченское посольство от Ших-мурзы, возглавляемое его племянником Батаем.

21 ноября 1588 г. чеченский посол Батай был принят царем Федором Ивановичем. В целом аудиенция носила весьма торжественный характер.

25 февраля 1589 г. состоялись переговоры Батая с государственным деятелем России, казначеем И.В. Траханиотовым, дьяками Андреем Щелкаловым и Посником Дмитриевым [4, с. 37]. Царские представители желали определить условия документального оформления подданничества Шиха и Алкаса. Послам был задан вопрос: «Каким обычаем Алкасу и Шиху бытии под государевою рукою и хто им недруги?» Батай и Алкас отвечали: «Они холопы государские старинные и ныне государю служат, – и прислали их ко государю Алкас княз и Ших мурза бити челом, чтобы государь пожаловал, велел их от недругов беречи Терском воеводам, а недруг им Асламбек княз Кабардинский». Следовательно, горские послы ответили на вопрос подданничества, считая его решенным («они холопы государские старинные») и просили вознаграждения за службу своих правителей и помощи против недругов [8].

Условия российско-чеченского договора предусматривали защиту владения Ших-мурзы от «недругов» и выплату ему жалованья. В свою очередь, Ших-мурза обязывался к службе царю (в частности, это предусматривало участие в борьбе Терского города и совместные действия с терскими воеводами) [4, с. 38]. Первая Окоцкая делегация, посланная Шихом в 1588 г., положила начало длинной цепи дипломатических визитов вайнахов в столицу России [6].

Таким образом, первое чеченское посольство и присяги вайнаховских владельцев до и после посольства, по существу, привели к официальному оформлению союзнических отношений ряда вайнаховских обществ с Россией. Российское правительство информировало двory европейских государей о вступ-

лении чеченцев в российское подданство. Так, с конца XVI в. чеченцы твердо и осознанно избрали политический курс на сближение и единство с Российским государством [4, с. 40]. Источник XIX в. отмечал, что «в XVI столетии связи наши с Кавказом были дружественныя, родственныя и единовѣрныя» [12].

Таким образом, как отмечается многими кавказоведами (Ш.А. Гапуровым, А.А. Музаевым [13], М.Х. Багаевым [14], Т.С. Магомадовой, С.С. Магамадовым [15], В.Х. Халитовым [16], Ш.А. Гапуровым, Р.А. Товсултановым [17]) взаимоотношения Чечни и России в конце XVI – первой половине XVII в. – почти идеальная для тех условий и того времени «модель» мирного сближения чеченцев с московским государством. Российские власти не вмешивались во внутренние дела чеченских обществ, не навязывали им свои порядки и законы, довольствуясь выдачей аманатов, выплатой ясака и, в случае необходимости, временной воинской службой (например, в присяге для посланцев Шибутской земле в 1658 г. указывалось: «А где велит нам царское правительство на своей великого государя службе с своими царского величества московскими ратными людьми ... на промысел имети и с его государевыми недруги битися заодно»). Все это вполне устраивало чеченцев: они имели возможность торговать в русских пределах, надеялись на помощь России в борьбе с притязаниями кабардинских и дагестанских князей. Конец XVI – первая половина XVII в. – это период твердой и последовательной ориентации значительной части Чечни на Россию, в отличие от остальных частей Северного Кавказа, чьи владельцы постоянно меняли свою внешнеполитическую ориентацию. В то время вряд ли можно говорить о вступлении части Чечни и в российское подданство. Вопрос стоял, скорее, о внешнеполитической тенденции, внешнеполитической ориентации. По мнению Я.З. Ахмадова, «речь шла фактически о заключении соглашения о взаимных мирных связях, а не о каком-либо подданстве». Однако и в этот период в русско-чеченских отношениях было немало сложностей, они развивались далеко не всегда прямолинейно, и дело было, прежде всего, в непоследовательности политики царских властей, в игнорировании ими социально-экономических особенностей северокавказских горцев, и чеченцев в том числе [18]. Таким образом, можно полагать, что в XVI–XVII вв. взаимоотношения чеченцев с Россией «были часто вполне мирными. Выражались они в принесении присяги – шерти, выдаче аманатов, уплате ясака, совместных военных предприятиях», это были «ранние этапы вхождения вайнахов в состав русского государства» [18].

«В августе 1605 года в Москву к русскому царю едет... Батай-Мурза искать защиты от внешних врагов и притеснений со стороны кабардинских феодалов и князей, занимавших тогда господствующее положение на Северном Кавказе. В последующие годы русским царям присягнули, кроме окочан, и другие чеченские племена – мичкизяне, шибутяне, брагунцы» [19, с. 24–25].

В XVII в. происходит установление союзнических отношений обществ Чечни с Россией. Они свидетельствуют о подданстве населения 36 мичкизских кабаков. В сфере политического влияния России к середине XVII века находились почти все общества чеченцев. Отдельные общества этих областей принесли присяги. Так, в 1647 г. принесли присяги чечен-

ские общества «Мичгиз» и «Шибут». В 1657–1658 гг. представители Шатойского общества вновь вступили в контакт с Россией.

Как замечает М.Р. Гасанов, в русских документах XVI–XVII вв. часто фигурируют чеченские и ингушские общества – Мичкисская, Окоцкая, Мерезинская, Шибутская, Мулкинская, Отчанская, Калканская и другие, которые общались с Россией [6]. Таким образом, мы видим, что политические отношения между Россией и горскими владельцами закреплялись подписанием различных соглашений о верности и подданстве горцев России [20, с. 149–150].

Однако в конце XVII в. русско-кавказские связи значительно ослабевают [4, с. 42]. Осложнение налаженных отношений русской администрации на Кавказе с мичкизами совпадает с периодами активизации иранских сил на Северном Кавказе. В середине XVII в. под влияние Ирана попала большая часть Дагестана (здесь власть была сосредоточена в руках наместников иранских шахов [21]). И уже во второй половине XVII в. внешние отношения Мичкизской земли зачастую определялись кумыкскими (эндерийскими) владельцами, которые установили контроль над частью ее.

Одним из самых динамичных чеченских обществ конца XVI – первой половины XVII в. были Шибуты, основная территория которого находилась в Аргунском ущелье. Это общество исследователи ассоциируют с чеченским тайпом Шотой. Местоположение шибутских людей отмечено не только в Аргунском ущелье, но и близ плоскостной Чечни и даже в Терском городе.

Аргунскому ущелью царская администрация уделяла большое внимание. Здесь проходил один из нескольких путей, соединяющих Терский город с Грузией, с которой Москва устанавливала активные отношения и обменивалась посольствами, нуждавшимися в удобных и безопасных дорогах. В середине XVII в. в Шибутской земле насчитывалось 19 селений и 240 крестьянских дворов. В 1641 г. терский воевода снабжает для «вестей» гонцов в Грузию «прямою дорогою через горы на Шибутскую землю», а в Москву пишет отписку со следующей характеристикой ее: «землицы, через которые путь лежит разные и самовольные и владельцев в них нет» [9].

В 50-х годах XVII в. особенно важным становится путь в Грузию через Аргунское ущелье, и безопасность его зависела от лояльности горцев, проживавших в бассейне р. Аргун и его притоков. В эти годы был приведен еще ряд «непослушников» в «совместничество» с царской властью: «государево непослушники горские земли кабаков Чатусовых, да Чизнаховых, да Зумсовцовых, да Вашандаровых великому государю учинились в холопстве и дали в Терский город в аманаты Зовзея». «Холопство» – обычный на Руси того времени термин при обращении подданного царю. В данном случае – обязанный службою государю [9].

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет сделать вывод, что дипломатическая деятельность в отношениях с горцами принесла России в ее кавказской политике в XVI–XVII вв. значительно больше успехов, чем военные экспедиции. Во второй половине XVI в. соглашения о вступлении в российское подданство подписали ряд адыгских, дагестанских и в айнахских владельцев и обществ. В XVII в. обмен посольствами между горскими феода-

лами и Москвой принял регулярный характер. В результате российское влияние на Северном Кавказе значительно усилилось.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гродненский Н. Первая чеченская. История вооруженного конфликта. Мн., 2007. 720 с.
2. Ибрагимов И.Г. Международная обстановка на Северном Кавказе и борьба горцев Дагестана за независимость в XVI–XVII вв. Дагестан в политике России, Ирана и Турции // Чеченцы в сообществе народов России. Т. 2. Назрань, 2008. С. 3–14.
3. Усманов Л. Непокоренная Чечня. М., 1997. 414 с.
4. Гапуров Ш.А., Абдурахманов Д.Б. Россия и Чечня (последняя треть XVIII – первая половина XIX века). Грозный, 2009. 522 с.
5. Джон Данлоп. Россия и Чечня: история противоборства. Корни сепаратистского конфликта. М., 2001. 231 с.
6. Гасанов М.Р. Некоторые вопросы политических связей Кавказа и России (XV–XVII вв.) // Чеченцы в сообществе народов России. Т. 1. Назрань, 2008. С. 53–62.
7. Самойлов К. Заметки о Чечне. М., 2002. 88 с.
8. Ахмадов Я.З. Международные и региональные политические предпосылки установления добрососедских русско-чеченских связей в XVI веке // Чеченцы в сообществе народов России. Т. 1. Назрань, 2008. С. 26–52.
9. Магомадова Т.С. Чечня в политике России на Северном Кавказе XVI–XVII вв. // Чеченцы в сообществе народов России. Т. 2. Назрань, 2008. С. 114–131.
10. Гаджиев Ф.Г., Эмирбекова Г.Д. К вопросу о торгово-экономических связях народов Дагестана и Чечни в XVII–XIX вв. // Чеченцы в сообществе народов России. Т. 1. Назрань, 2008. С. 287–290.
11. Месхидзе Дж. И. Кавказ и Россия: политико-экономическое и культурно-религиозное взаимодействие (середина XVI – начало XVIII вв.) // Чеченцы в сообществе народов России. Т. 2. Назрань, 2008. С. 154–169.
12. Архивное управление Правительства Чеченской Республики. Ф. 245. Оп. 1. Д. 20.
13. Гапуров Ш.А., Музаев А.А. А. Авторханов и вопросы дореволюционной истории Кавказа // Чеченцы в сообществе народов России. Т. 1. Назрань, 2008. С. 11–18.
14. Багаев М.Х. У истоков русско-чеченских добрососедских отношений // Чеченцы в сообществе народов России. Т. 1. Назрань, 2008. С. 202–208.
15. Магомадова Т.С., Магамадов С.С. Некоторые историко-культурные последствия русско-чеченских отношений в XVI–XVII вв. // Чеченцы в сообществе народов России. Т. 2. Назрань, 2008. С. 132–136.
16. Халитов В.Х. К истории российско-чеченских отношений в XVI – первой половине XIX вв. // Чеченцы в сообществе народов России. Т. 2. Назрань, 2008. С. 366–368.
17. Гапуров Ш.А., Товсултанов Р.А. Страницы политической истории Чечни (конец XVIII – начало XIX вв.) // А.Г. Авторханов – ученый, публицист, общественный деятель: мат-лы междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения А.Г. Авторханова (г. Грозный, 21–22 октября 2008 г.). Назрань, 2008. С. 95–110.

18. Абдурахманов Д.Б., Гапуров Ш.А., Закриев Б.Б. Ранние этапы российско-чеченских политических взаимоотношений (XVI–XVII вв.) // Чеченцы в сообществе народов России. Т. 1. Назрань, 2008. С. 3–4.

19. Моя Чечено-Ингушетия: краеведческое пособие по истории для учащихся средней школы Чечено-Ингушской АССР / под ред. Н.А. Тавакаляна. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1970. 138 с.

20. Гапуров Ш.А. Северный Кавказ в политике России в начале XIX века (1801–1818 годы). Нальчик: Эль-Фа, 2004. 489 с.

21. Магарамов Ш.А. Восточный Кавказ во внешней политике России, Ирана и Турции в 50–70-е гг. XVII в. // Чеченцы в сообществе народов России. Т. 2. Назрань, 2008. С. 186–193.

THE RUSSIAN-CHECHEN RELATIONS IN XVI–XVII CENTURIES

© 2017

Tovsultanov Rustam Alhazurovich, candidate of history sciences,
associate professor of Modern and Contemporary History Department
Chechen State University (Grozny, Russian Federation)

Galimova Lilia Nadipovna, doctor of history sciences, professor of Humanities and Social Sciences Department
*Ulyanovsk Institute of Civil Aviation named after chief Marshal of aviation B.P. Bugaev
(Ulyanovsk, Russian Federation)*

Ozdamirova Eliza Musatovna, senior teacher of Modern and Contemporary History Department
Chechen State University (Grozny, Russian Federation)

Abstract. The following paper investigates the Russian-Chechen relations in XVI–XVII centuries. The authors note that the Caucasus was in the sphere of Russian foreign policy at the time of the Russian centralized state formation. With the annexation of the Astrakhan khanate, Russia came to the Caucasus border and the Caucasian direction started to occupy a leading place in the Eastern policy of the tsarist government. The Caucasus in the XVI century was an object of a tense struggle between the two most powerful States of the then Middle East – Ottoman Empire and Safavid Iran – and at the same time a bridgehead, where there was a constant threat to the southern outskirts of Russia from these States and the Crimean khanate. The strengthening of Russia on the Caucasian lands could become the most reliable means to ensure the safety of the South of Russia. So in the XVII and XVIII centuries, the North Caucasus was Russia's military-strategic interest or, in modern language, a geopolitical one. Chechnya came under the influence of Russia in 1567, when the first Russian militarized city Terek in the North Caucasus was founded. For the peoples of the North Caucasus and of Chechnya the appearance of a Russian fortress on their land was of great political importance.

Thus, it was vital for Russia to gain a foothold in the North Caucasus, as the enemy (Iran and Turkey) could do it, which was unsafe for Russia's southern borders. It was during this period (late sixteenth century) when close military and political ties of the Moscow government and the Chechens were established. The Moscow government was interested in Chechnya because of its geographical location – the immediate proximity to the towns of Terek and the fact that its territory was the most convenient means of communication with Georgia.

The relationship between Chechnya and Russia at the end of XVI – first half of XVII century was almost an «ideal model» of a peaceful rapprochement of the Chechen with the Moscow government for those conditions and at that time. The Russian authorities did not interfere in the internal affairs of the Chechen societies, they did not impose their own rules or laws, being satisfied with the results of the hostages, the payment of tribute and, if necessary, temporary military service. This led to the fact that in the XVII century allied relations of Chechnya societies with Russia were established. However, at the end of the XVII century Russian-Caucasian connection was significantly weakened.

Keywords: Caucasus; Russian foreign policy; Russia; Moscow Kingdom; Eastern policy of tsarist government; North Caucasus; Chechnya; Terek; Sunzha; Dagestan; fortress; Moscow; North Caucasian peoples; Russia; Central Asia; Transcaucasia; Turkey; Iran; southern border; Moscow government; Chechens; Russian-North Caucasian relations; political situation; Embassy; Ambassador; citizenship; Russian-Chechen Treaty; oath; policy; relationship.

УДК 94(47).08

УРАЛО-КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН КАК ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН (XVI – НАЧАЛО XX ВВ.)

© 2017

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории России,
Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Российская Федерация)

Любичанковский Алексей Валентинович, кандидат географических наук,
доцент кафедры географии и регионоведения, научный сотрудник
*Оренбургский государственный университет, Институт Степи УрО РАН
(г. Оренбург, Российская Федерация)*

Аннотация. В статье предлагается опыт междисциплинарного историко-географического исследования, в главном фокусе которого находится существовавший с XVI в. до начала XX века Урало-Каспийский регион.